

*Гумерова Айсылу Тагировна
кандидат искусствоведения
старший преподаватель кафедры теории музыки и композиции
Казанской государственной консерватории (академии) им. Н.Г. Жиганова*

Современные формы бытования церковно-певческой культуры татар-кряшен

Церковно-певческая культура татар-кряшен (крещеных татар) представляет собой достаточно интересную, самобытную по своим музыкально-стилистическим характеристикам часть общеправославного мира. Безусловно, она имеет много общего с русско-православной традицией – как в отношении своего содержания – то есть самого комплекса песнопений и их текстов, так и внешних характеристик, связанных, прежде всего, с особенностями образования, функционирования певческих составов. Но особые культурно-исторические условия возникновения и становления религиозного сознания кряшен стали предпосылкой для формирования некоторых особенностей, позволяющих говорить об особой локально-конфессиональной традиции. Среди них можно выделить формы бытования песнопений, особенности церковно-певческих составов, манеру исполнения богослужебных песнопений, их историко-стилевую вариантность.

Каждый из этих аспектов требует отдельного рассмотрения. В рамках данной статьи рассмотрим особенности самого функционирования современной церковно-певческой культуры татар-кряшен.

На сегодняшний день можно выделить две формы бытования церковно-певческой практики татар-кряшен. Они напрямую связаны с ареалами ее функционирования и определяются как городская и сельская.

Городская практика представлена всего одним приходом – Тихвинской церковью города Казани, которая официально принадлежит кряшенской общине и где проходят службы на татарском языке. Местом компактного проживания татар-кряшен, как правило, являются сельские

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

населенные пункты. Казанский приход по отношению к ним играет роль епархиального центра: здесь ведется контроль функционирования остальных приходов, организовывается их обеспечение необходимой богослужбной литературой. Сама церковная культура Тихвинского храма обнаруживает некоторые черты певческой традиции, обусловленные именно условиями города. Сюда можно отнести и степень присутствия татарского языка на службе, и саму структуру литургики, наличие выстроенной кадровой дифференциации служителей церкви.

Самой главной отличительной особенностью церковно-певческой практики Тихвинской церкви от всех остальных православных храмов города Казани является языковое наполнение службы – оно полностью проводится на татарском языке. Те песнопения, которые не были переведены в XIX веке Переводческой комиссией, в результате деятельности которой и возникла основная часть напевов с татарскими текстами [1], были адаптированы к татароязычной службе и введены в обиход отцом Павлом – настоятелем и священником данного прихода. В этом смысле служба казанских кряшен представляет собой образцовый – чисто кряшенский – вариант богослужения.

Еще одной отличительной чертой церковной культуры казанских кряшен – как примера городского типа организации прихода – является кадровое разделение причета прихода. В Тихвинской церкви должностные обязанности строго регламентированы и имеются все необходимые для организации полноценной богослужбной практики кадры – священник, диакон, чтецы, певцы, псаломщики, регент. Это важно не только с точки зрения самой организации деятельности церкви, с этим напрямую связаны и особенности музыкального оформления службы. Наличие регента определяет точность интонирования песнопений и степень «чистоты» их стиля.

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

Отдельного внимания заслуживает такой феномен церковно-певческой практики татар-кряшен, как разная степень участия прихожан в богослужебном пении.

Православное храмовое пение характеризуется тем, что в нем может участвовать каждый, кто находится в церкви. Общее с клиром пение вызывает у верующих ощущение большей причастности к самому священному действию. По словам И.Вознесенского «Богослужение [...] имеет значение богослужения общественного не в том только смысле, что совершается открыто в собрании верных, но в том особенно, что все присутствующие на нем не остаются лишь зрителями и слушателями, а в самом совершении его принимают известную долю непосредственного участия, например, через содействие благолепию богослужения, через участие в церковных церемониях или ходах со священными предметами, через общие поклонения, молитвы, возглашение и общее с клиром всенародное пение и пр. В частности относительно общего пения при богослужении учреждениями и исконной практикой церкви твердо установлено следующее: 1) в храмовом пении могут участвовать все, способные к тому лица без различия состояния, возраста и пола; 2) церковное пение, однако, должно проходить в известном установленном порядке» [2].

Как показали наши наблюдения, степень активности участия в пении у представителей разных территориальных церковно-певческих традиций кряшен отличается друг от друга.

Казанские кряшены являются в этом смысле наиболее активными: во время службы практически все прихожане подпевают хору, особенно это касается наиболее «употребительных» песнопений, таких как «Благослови душе моя, Господи», «Господи воззвах», «Богородице Дево» и другие.

Во-многом, отмеченные нами особенности являются результатом нахождения церковной культуры казанских кряшен в едином пространстве с русско-православной практикой, которая, в отличие от относительно

**Гүмерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

молодой кряшенской традиции, уже на протяжении многих столетий имеет устоявшуюся и скоординированную систему организации церковно-приходской практики. Именно такое «соседство» обуславливает высокую степень (по сравнению с сельскими приходами) соблюдения канона, что проявляется как в перечисленных выше организационных моментах, так и в распеве самих церковных песнопений.

Основной и преобладающей формой бытования церковно-певческой культуры кряшен на сегодняшний день является *сельская приходская практика*. Причины такого положения связаны с тем, что большую массу крещеных татар составляли именно сельские жители, соответственно на них и было направлено основное просветительское движение миссионеров в XIX веке. До революции почти в каждой кряшенской деревне имелся свой приход, где совершалась служба на татарском языке. Годы советского атеизма привели к некоторому снижению активности церковной практики в целом, но говорить о том, что сформированная годами духовная культура перестала существовать, было бы неверным. Она продолжала свое бытование, молитвы и песнопения продолжали свою жизнь вне стен храмов – в формах домашнего бытования. В настоящее время происходит постепенное возрождение как самой церковной культуры, так и ее музыкального компонента: восстанавливаются многие храмы, издается богослужebная литература на татарском языке.

Сельская приходская практика имеет также свои отличительные черты. Во-первых, необходимо отметить, что само функционирование прихода может носить нестабильный характер. Обусловлено это, как правило, чисто «техническими» причинами.

Одна из них может быть связана с тем, что священник является неместным и приезжает в данный сельский приход только для проведения богослужения. В связи с этим службы проводятся нерегулярно (например, в

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

приходе деревни Гришкино Менделеевского района РТ службы проходят лишь в праздничные дни).

Богослужения могут на время приостановиться в связи с отсутствием певчих. В условиях сельской практики количество певчих может ограничиваться одним – двумя исполнителями, и в тех случаях, когда они по каким-либо причинам (по причине болезни, отъезда и др.) отсутствуют, служба не проводится. Такая ситуация, в частности, была зафиксирована нами летом 2007 года в церкви села Калейкино Альметьевского района Республики Татарстан.

Особого внимания заслуживает такой феномен сельской приходской практики татар-кряшен, как двуязычное ведение службы. Богослужения в сельских кряшенских приходах, как правило, проводятся не только на татарском языке, но и на церковно-славянском. При этом степень языковой адаптированности священного действия во всех приходах разная: где-то степень наличия татарского языка большая, где-то меньшая. Связано это, прежде всего, с отсутствием в приходе необходимой переводной литературы: если не имеется татарский вариант – используются церковно-славянские тексты. В то же время играет роль и национальная принадлежность прихожан: в том случае, если в их число входят и татары, и русские, также используется два языка. При этом можно выделить несколько моделей сочетания внутри одной службы двух языков – церковно-славянского и татарского:

- 1) часть песнопений исполняется со славянскими текстами, часть с татарскими (как правило, выбор песнопений в данном случае определяется наличием или отсутствием татарского варианта);
- 2) ряд песнопений поочередно исполняется в двух вариантах: сначала со славянским текстом, затем в переводе – с татарским текстом, в результате чего возникает своеобразный феномен «богослужения с переводом», например:

**Гүмерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

««Хвалите имя Господеви,
Хвалите рабы Господа.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.
Благословне Господь от Сына живой в Иерусалиме.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя»».

«Ходайнын исемен мактагыз,
Эй, мяндяляр, Ходайны мактагыз.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.
Иерусалимда торган Ходай санаулы.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя»».

Необходимо обратить внимание, что двукратное исполнение песнопений неизбежно приводит к удлинению службы по времени. То есть языковое обновление становится причиной изменения самой формы службы и в целом ее фонического воплощения.

3) присутствие двух языков внутри одного песнопения, когда часть текста звучит на славянском, часть на татарском языке:

«Хвалите имя Господеви,
Хвалите рабы Господа.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.
Иерусалимда торган Ходай санаулы.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя»».

В результате отмеченных особенностей языкового наполнения богослужение татар-кряшен предстает как религиозно-культурный ритуал, характеризующийся удивительной вербальной пластичностью. И в этом смысле диффузно-переводческая служба в практике татар-кряшен с его славянско-тюркскими переключениями (как на уровне больших кусков, так и внутри песнопения) являет собой результат существования православия в

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

условиях дуалистического культурного пространства Среднего Поволжья, где близко соседствуют две культурные парадигмы.

Следует отметить, что смысл двуязычного ведения службы сводится не только к передаче смысла песнопения, звучащего не на родном для всех прихожан языке. Зачастую в сельской местности представители разных наций достаточно легко общаются и понимают язык друг друга. Скорее следует говорить о том, что двуязычие в данном случае являет собой факт внимания, почтения к представителям двух этносов, оказавшихся в одном сакральном пространстве. Прежде всего, это направлено на создание более комфортной для всех посетителей храма психологической ситуации. И это, на наш взгляд, демонстрирует очень правильный и этичный подход, обеспечивающий мирное сосуществование разных этносов.

Достаточно характерной особенностью сельской приходской практики является отсутствие четко выстроенной кадровой дифференциации. В большинстве случаев в приходах имеет место минимальный состав притча, включающий священника и псаломщика, в некоторых деревенских храмах нет штатного псаломщика. Функцию регента выполняют сами священники, что обуславливает степень канонической точности в распеве песнопений.

Степень участия сельских прихожан в богослужебном пении в практике разных приходов обнаруживает достаточно разные показатели. Но сравнение городской и сельской практики показывает, что в селе имеет место более пассивное «включение» в пение. Например, в практике елабужских кряшен замечена предельная пассивность прихожан в богослужении, их участие ограничивается минимальным набором действий: осенение крестным знаменем, ответные поклоны священнику.

Степень активности прихожан в музыкальном оформлении службы напрямую связана, на наш взгляд, с количественным соотношением песнопений, исполняемых на славянском и на татарском языках. В Тихвинской церкви, где песнопения звучат на родном для кряшен языке,

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

происходит активное приобщение верующих не только к самой ритуальной части богослужения, но и к его музыкальному компоненту. А в церковно-певческой практике елабужских кряшен, где преобладают «славянские» песнопения, прихожане относительно пения избирают более пассивную позицию – позицию «слушателей» [3].

Но сводить объяснение данного феномена только к языковому фактору было бы неправильным. Учитывая степень общей приверженности городского и сельского населения к пению, возникает достаточно парадоксальная ситуация: в деревне с ее глубокими фольклорными традициями, где до настоящего времени сохраняется традиция народного пения – как неотъемлемого атрибута быта жителей, казалось бы, и церковно-певческая практика должна получить большее распространение и закрепление в практике прихожан. Соответственно в городе, где на сегодняшний день практически утрачена народно-певческая культура, мы должны наблюдать обратную ситуацию. В связи с этим, можно предположить, что степень участия прихожан в богослужебном пении может быть обусловлена не только внешними показателями (как, например, языковая «адаптированность» песнопений), но и более глубокими причинами. Они могут быть связаны с самим уровнем религиозного воспитания прихожан, в частности, степенью их приобщенности к самой практике церковного пения. В тех приходах, где традиция богослужения имеет давнюю историю и песнопения занимают большое место в «музыкальной памяти» прихожан, освоение и «включенность» их в церковную музыку более значительная (казанские, нижекамские, нагайбакские кряшены). А там, где сама практика церковного пения имеет место относительно недавно, песнопения воспринимаются более пассивно (елабужские, бакалинские кряшены).

Разные формы бытования церковно-певческой традиции татар-кряшен определяют и разную степень музыкально-стилевой вариантности

**Гумерова А.Т. Современные формы бытования
церковно-певческой культуры татар-кряшен**

песнопений. В частности, если в городской среде напевы сохранились в практически неизменном виде, то есть они идентичны письменным первоисточникам XIX века, то «деревенские» варианты достаточно сильно ощутили на себе влияние местной народно-песенной традиции. Именно этим обуславливается музыкальная самобытность данной практики как в рамках общеправославной певческой традиции, так и в условиях татарской культуры.

Примечания

1. Переводческая комиссия – это специальный орган, который был создан в Казани в 1875 году в рамках миссионерской деятельности Русской православной церкви для языковой адаптации богослужбной литературы к родным языкам народов Поволжья и Приуралья. Ее членами под руководством Н. Ильминского были подготовлены «переводы» для крещеных татар, чуваш, марийцев и др.
2. Вознесенский И. О всесловном участии народа в церковно-богослужбном пении и о порядке этого пения / И. Вознесенский // Православная жизнь. – 1987. – № 3 (447). – С. 15.
3. Необходимо отметить, что по мнению богословов такое положение само по себе несколько противоречит сути церковной службы, призванной всеобщему, коллективному обращению к Богу и служению ему. В частности, Парийский пишет: «Исполняя песнопения, положенные по чину богослужений, хор должен петь так, чтобы стоящие в храме, наслышавшись, могли усвоить песнопение и так же запеть. <...> Церковное собрание молящихся за богослужением нельзя разделять на слушающую публику и улаждающий ее нанятый хор, создающий «молитвенное» настроение; пение в церквах наших должно быть не только молитвенным, но и объединяющим и назидающим всех» (*Журнал Министерства Просвещения. 1949. № 12. С. 52–64*).